

Научная статья
УДК 343.98

ЗОНА ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПУНКТА 7 СТАТЬИ 14 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» И ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И СВОБОДОЙ

Вадим Фанилевич Габзалилов¹, Айсылу Ильмировна Галиуллина², Евгений Викторович Кузнецов^{3,4}

¹Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Российская Федерация, vadim-gagarin0@rambler.ru

²Управление МВД России по г. Уфе, г. Уфа, Российская Федерация, aisulygali@mail.ru

³Юридический институт Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация, kev300579@yandex.ru

⁴Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному исследованию правовых и практических неопределенностей, порождаемых реализацией пункта 7 статьи 14 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹. Авторы проводят многоаспектный анализ данной проблемы: рассматривают ее конституционно-правовые и международно-правовые импликации, выявляют практические риски для всех вовлеченных субъектов (граждан, органов оперативно-розыскной деятельности, Росгвардии, правосудия), исследуют доктринальные подходы к природе ограничений прав граждан на владение оружием и предлагают возможные пути законодательного урегулирования, направленные на восстановление баланса между интересами безопасности и незаблемостью прав личности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, оборот оружия, лицензирование оружия, Росгвардия, правовая определенность, конституционные права, ограничение прав, судебный контроль, законодательный пробел, заключения о наличии опасности нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон № 144-ФЗ : принят Гос. Думой 5 июля 1995 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 05.09.2025).

Для цитирования: Габзалилов, В. Ф., Галиуллина, А. И., Кузнецов, Е. В. Зона правовой неопределенности: проблемы реализации пункта 7 статьи 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и поиск баланса между безопасностью и свободой // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 35. № 3. С. 19–34.

**ZONE OF LEGAL UNCERTAINTY: PROBLEMS OF IMPLEMENTING
ARTICLE 14, PARAGRAPH 7 OF THE FEDERAL LAW ON OPERATIONAL
AND SEARCH ACTIVITIES AND THE SEARCH FOR A BALANCE BETWEEN
SECURITY AND FREEDOM**

Vadim F. Gabzalilov¹, Aisylu I. Galiullina², Evgeny V. Kuznetsov^{3,4}

¹Ufa Law Institute of the MIA of the Russian Federation, Ufa, Russian Federation, vadim-gagarin0@rambler.ru

²Ufa Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russian Federation, aisulygali@mail.ru

³Law Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, kev300579@yandex.ru

⁴East Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to a comprehensive study of the legal and practical uncertainties arising from the implementation of paragraph 7 of Article 14 of the Federal Law “On Operational Search Activities” (hereinafter referred to as the Federal Law “On Operational Search Activities”). The article provides a multifaceted analysis of the issue, examining its constitutional and international legal implications, identifying practical risks for all involved actors (citizens, law enforcement agencies, the National Guard, and the judiciary), exploring doctrinal approaches to the nature of such restrictions, and suggesting possible legislative solutions aimed at restoring the balance between security interests and the inviolability of individual rights.

Keywords: operational and investigative activities, operational and investigative measures, arms trafficking, weapons licensing, Russian National Guard, legal certainty, constitutional rights, restriction of rights, judicial control, legislative gap, conclusions on the existence of a risk of violation of citizens' rights and freedoms, and threats to state or public security

For citation: Gabzalilov, V. F., Galiullina, A. I., Kuznetsov, E. V. Zona pravovoy neopredelennosti: problemy realizatsii punkta 7 stat'i 14 Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti» i poisk balansa mezhdru bezopasnost'yu i svobodoy [Zone of Legal Uncertainty: Problems of Implementing Paragraph 7 of Article 14 of the Federal Law "On Operational Search Activities" and Finding a Balance between Security and Freedom]. Kriminalistika: vchera segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2025, vol. 35, no 3, pp. 19–34 (in Russ.).

Введение

Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») занимает особое место в правовой системе Российской Федерации. Он регулирует деятельность, находящуюся в противоречии между необходимостью эффективного противодействия преступности, часто скрытой и опасной, и неукоснительным соблюдением прав и свобод человека, гарантированных Конституцией Российской Федерации³. Статья 14 вышеназванного закона, устанавливающая обязанности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), представляет собой свод основополагающих принципов их функционирования в правовом поле. Однако пункт 7 статьи 14 рассматриваемого закона, введенный Федеральным законом от 29 декабря 2022 года № 638-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, выделяется своей потенциальной конфликтогенностью. Он уполномочивает органы, осуществляющие ОРД выносить заключения

о наличии «опасности нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности» (далее – заключение) для обоснования решений Росгвардии о выдаче, изъятии или аннулировании лицензий и разрешений на оружие. Сама идея использования специфической оперативно-розыскной информации для предотвращения попадания оружия в руки потенциально опасных лиц выглядит логичной с точки зрения превентивной безопасности. Однако, как нам кажется, законодатель столкнулся с фундаментальной проблемой: норма была введена в правовой вакуум.

Отсутствие какой-либо дальнейшей детализации в законодательстве превратило пункт 7 статьи 14 ФЗ «Об ОРД» в уникальный правовой феномен – норму прямого действия, лишенную процедурного и материального наполнения. Эта «процедурная пустота» и составляет суть проблемы, порождая множество вопросов, остающихся без ответа, в частности, о существовании конкретных критериев оценки «опасности», сведениях, которые могут лежать в основе указанного заключения, процедуре подготовки и утверждения данного документа, об информировании гражданина и о возможности оспорить заключение. Отсутствие ответов на эти вопросы не просто создает неудобства; оно формирует зону повышенного правового риска, где права граждан оказываются уязвимыми перед невидимым и неконтролируемым административным решением, основанным на неясных и непроверяемых предпосылках. Настоящая статья ставит целью не просто констатацию этого пробела, а глубокий

³ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 05.09.2025).

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон № 638-ФЗ : принят Гос. Думой 21 декабря 2022 года : одобрен Советом Федерации 23 декабря 2022 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436215/ (дата обращения: 05.09.2025).

анализ его многогранных последствий для правовой системы, поиск его корней в теории права и предложение конструктивных путей выхода из сложившейся ситуации, основанных на принципах правового государства. В работе будут рассмотрены и решены следующие задачи исследования:

- анализ законодательства, регламентирующего порядок осуществления проверки граждан на предмет установления информации о наличии опасности нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности;

- оптимизация процессов осуществления проверки граждан на предмет установления информации о наличии опасности нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности;

- формирование рекомендаций по вынесению заключения о наличии опасности нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности.

Основная часть

Проведение исследования обусловлено тем, что в Российской Федерации с 29 декабря 2022 года в качестве условия, препятствующего владению оружием, выступает вынесенное органами внутренних дел заключение о наличии опасности нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности. При этом часть 25 статьи 13 Федерального закона от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии»⁵ (далее – ФЗ

«Об оружии»), предусматривающая подготовку органами внутренних дел и (или) органами федеральной службы безопасности соответствующего заключения, содержит норму прямого действия, не предполагающую возможность ее конкретизации в подзаконных нормативных правовых актах (аналогичный подход предлагается реализовывать и в отношении частных детективов и охранников). В этой связи представляется необходимым оценить существующий механизм правового регулирования в части обеспечения им формирования единообразной правоприменительной практики, а также достаточности нормативного правового регулирования указанных процессов.

Суть проблемы пункта 7 статьи 14 ФЗ «Об ОРД» можно свести к фундаментальному нарушению принципа правовой определенности. Этот принцип, являющийся основой верховенства права, требует, чтобы правовые нормы были сформулированы с достаточной ясностью и точностью, позволяющей лицу предвидеть последствия своего поведения, а государственным органам – действовать в четко очерченных законом рамках. Пункт 7 этой ясностью не обладает. Он оперирует предельно широкими и оценочными категориями: «опасность нарушения прав и свобод граждан», «угроза государственной или общественной безопасности». Не совсем понятно, что конкретно составляет эту опасность или угрозу применительно к конкретному гражданину, претендующему на

⁵ Об оружии : Федер. закон № 150-ФЗ : принят Гос. Думой 13 ноября 1996 года :

послед. ред. // Консультант Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 05.09.2025).

владение оружием, является ли достаточным основанием факт нахождения в «оперативной разработке», насколько достоверна информация, полученная от анонимных конфидентов, какие конфликты (семейные или бытовые не достигают уровня преступления. Отсутствие законодательно закрепленных критериев оставляет простор для субъективного, а порой и произвольного толкования закона сотрудниками оперативных подразделений.

Процедурная вакуумность нормы еще более усугубляет ситуацию. Закон не дает разъяснений о том, как инициируется процесс подготовки заключения – по запросу Росгвардии или по собственной инициативе органа, осуществляющего ОРД. Отсутствуют указания об уполномоченном лице, принимающем решение о вынесении заключения, о сроках подготовки документа и информации, которая должна быть отражена в нем, можно ли использовать только данные, полученные в ходе формально оформленных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) или же достаточно любой оперативной информации, включая непроверенные сведения. Отсутствие ответов на эти вопросы означает, что процедура вынесения заключения, существенно ограничивающего конституционное право (на собственность, а в более широком смысле – на частную жизнь, достоинство, возможность самообороны), остается полностью на усмотрение самих органов ОРД. Она протекает в закрытом, негласном режиме, без каких-либо предусмотренных законом гарантий объективности, всесторонности и проверяемости.

Наиболее критичным аспектом этой неопределенности является полное отсутствие регламентации информирования лица, в отношении которого вынесено заключение, и порядка его обжалования. Гражданин зачастую узнает о существовании такого заключения лишь постфактум, когда получает отказ Росгвардии в выдаче лицензии или уведомление об ее аннулировании. При этом мотивировка отказа может быть предельно размытой («на основании информации компетентных органов»), а доступ к самому тексту заключения либо полностью закрыт (под предлогом охраны государственной или служебной тайны), либо предоставлен в урезанном, неконкретном виде. Это лишает гражданина возможности понять суть претензий и, следовательно, эффективно защищаться.

Право на судебную защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации в этой ситуации становится формальным: обжалуя решение Росгвардии, гражданин по существу борется с тенью – заключением, содержание и обоснованность которого он не знает и оспорить которое отдельно не может. Суд, в свою очередь, оказывается в сложном положении: он вынужден либо слепо доверять доводам органов ОРД, ссылающихся на специфику информации, либо пытаться исследовать доказательства в закрытом режиме, что резко ограничивает принципы состязательности и равноправия сторон в процессе. Таким образом, правовая неопределенность пункта 7 порождает замкнутый круг непрозрачности и незащитности.

Следует иметь в виду, что правовая неопределенность пункта 7 статьи 14 ФЗ «Об ОРД» вступает в

глубокое противоречие с рядом фундаментальных конституционных принципов и норм, регламентирующих права и свободы граждан. Перечень последних подробно описан в исследовании Ф. С. Галенпольского [1, с. 17–18].

Прежде всего, это принцип верховенства права (ст. 4, 15 Конституции Российской Федерации), требующий, чтобы государство во всех своих действиях подчинялось закону. Связанность государства законом подразумевает предсказуемость и прозрачность его действий, чего в данном случае явно не наблюдается.

Во-вторых, нарушается сам принцип правовой определенности, являющийся неотъемлемым элементом правового государства и вытекающий из статей 2, 15, 17, 18, 45 и 46 Конституции Российской Федерации.

В-третьих, серьезные сомнения вызывает соответствие ограничений, налагаемых на основании таких заключений, принципу соразмерности (ст. 55 Конституции Российской Федерации). Любое ограничение прав должно быть необходимым и строго пропорциональным конституционно значимой цели, которой в данном случае является обеспечение общественной и государственной безопасности. Однако отсутствие четких критериев «опасности» и «угрозы» означает, что ограничение права на владение оружием как частного случая права собственности (ст. 35 Конституции Российской Федерации) может применяться несоразмерно широко или в ситуациях, где реальная угроза безопасности минимальна или вообще отсутствует. Как отмечает А. А. Подмарев, невозможно оценить

ну. Действия органов ОРД по вынесению заключений, имеющих столь значимые последствия для прав граждан, фактически выведены за рамки детального законодательного регулирования. Они осуществляются на основе внутренних, непубличных инструкций или вовсе по усмотрению должностных лиц, что едва ли может считаться необходимым в демократическом обществе.

соразмерность, если неизвестны ни тяжесть предполагаемой «опасности», ни степень ее доказанности [2, с. 86]. Ограничение, основанное на непроверенных подозрениях или анонимных доносах, необходимым в демократическом обществе.

В-четвертых, нарушается право на эффективное средство правовой защиты (ст. 46 Конституции Российской Федерации, ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹). Эффективность защиты предполагает возможность оспорить все решения, приведшие к нарушению права. Невозможность напрямую обжаловать заключение органа, осуществляющего ОРД, являющееся фактически ключевым доказательством в деле об ограничении права на оружие, делает судебную защиту неполноценной.

В-пятых, возникает напряжение с принципом презумпции невиновности (ст. 49 Конституции Российской Федерации). Заключение об

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года : с изм. от 24 июня 2013 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (дата обращения: 15.08.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

«опасности» может основываться на информации, не имеющей статуса доказательств по уголовному делу, на слухах, ассоциативных связях или данных, не прошедших никакой проверки на достоверность.

Фактически лицо ставится в положение, когда оно должно доказывать свою «безопасность», что является инверсией презумпции невиновности. Человек может не совершать никаких правонарушений, связанных с оружием, но лишиться права на его владение по соображениям, которые ему не предъявлены и которые он не может опровергнуть.

Международно-правовые стандарты, в частности документы Совета Европы (например, директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2002/58/ЕС от 12 июля 2002 года в отношении обработки персональных данных и защиты конфиденциальности в секторе электронных средств связи², затрагивающая и ОРД), также подчеркивают необходимость четкого законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности, включая основания, пределы, процедуры и механизмы контроля, для предотвращения злоупотреблений и защиты прав человека. Правовая неопределенность пункта 7 статьи 14 ФЗ «Об ОРД» явно не соответствует этим ожиданиям международного сообщества в части обеспечения правовых. Можно про-

гнозировать негативные последствия и риски для субъектов правоотношений. По мнению Е. В. Брянской, в правовом государстве соблюдение международных правовых стандартов судопроизводства в значительной степени обеспечивает защиту прав и свобод граждан от произвола сотрудников правоохранительных органов [3, с. 106].

Правовая неопределенность пункта 7 ст. 14 ФЗ «Об ОРД» порождает широкий спектр негативных практических последствий для всех участников соответствующих правоотношений.

Для граждан, являющихся законопослушными владельцами оружия или претендентами на его получение, главный риск – необоснованное и несправедливое ограничение их права. Заключение оперативно-розыскного органа может стать непреодолимым барьером на пути реализации законного интереса, основанном на неизвестных, возможно, ошибочных или предвзятых данных. Непредсказуемость, невозможность узнать суть обвинений и эффективно защититься порождают чувство незащитности перед лицом невидимой государственной машины, подрывают доверие к правоохранительным органам и правосудию в целом. Ситуация усугубляется осознанием существенной значимости права на оружие для многих граждан, связанной с вопросами самообороны, охоты, спорта, коллекционирования или профессиональной деятельности. Его лишение или невозможность получения воспринимаются крайне болезненно. Кроме того, сам факт наличия негативного заключения ОРД, даже если оно не привело к немедленному изъятию лицензии,

² Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2002/58/ЕС от 12 июля 2002 года в отношении обработки персональных данных и защиты конфиденциальности в секторе электронных средств связи : ред. от 25 ноября 2009 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/2570354/> (дата обращения: 15.08.2025).

может создавать для гражданина скрытые проблемы во взаимодействии с правоохранительными органами, формируя негласное «клеймо».

Для органов, осуществляющих ОРД, отсутствие четких правил создает серьезные проблемы, в частности, оперативные сотрудники лишены ясных правовых ориентиров при принятии решения о вынесении заключения. Возникают вопросы о достаточности основания для вынесения заключения, степени проверки информации, оформлении данного документа. Отсутствие ответов ведет к риску принятия субъективных, ошибочных или избыточных решений. Сотрудники могут оказаться под давлением как со стороны руководства, требующего «перестраховки», так и со стороны внешних сил, заинтересованных в дискредитации конкретного лица. Неясность нормы повышает правовые риски для самих сотрудников: необоснованное заключение может впоследствии быть расценено как злоупотребление должностными полномочиями или служебный подлог, но доказать злой умысел или корыстную заинтересованность в условиях отсутствия формальных критериев крайне сложно. Существует и риск конфликта интересов: относительная простота вынесения заключения (из-за отсутствия формализованной процедуры) по сравнению со сложностью сбора доказательств для уголовного преследования может провоцировать использование этого механизма как «обходного пути» для нейтрализации лиц, в отношении которых у оперативных подразделений имеются подозрения, но отсутствуют достаточные основания для возбуж-

дения уголовного дела. Это искажает саму суть ОРД, призванной способствовать раскрытию преступлений, а не подменять судебные процедуры. Наконец, отсутствие регламента может приводить к неоправданной нагрузке на оперативные подразделения из-за несистемных или избыточных запросов Росгвардии или необходимости постоянной неформальной координации.

Для Росгвардии как органа, принимающего итоговое решение по лицензиям и разрешениям, заключение, поступившее из оперативных подразделений, создает ситуацию двойственности. С одной стороны, понимая, что оно основано на специфической информации, доступной оперативным службам, и не имея законодательно установленной возможности или обязанности перепроверять его обоснованность, Росгвардия зачастую воспринимает такое заключение как безусловное и непререкаемое основание для отказа, изъятия или аннулирования. Это фактически делегирует ключевое решение о праве гражданина негласному участнику процесса – органу ОРД. Росгвардия, обладающая собственными экспертами и процедурами оценки, лишается возможности полноценно реализовать свои полномочия по оценке всех обстоятельств дела. С другой стороны, наличие заключения от органов, осуществляющих ОРД, используется Росгвардией для снятия с себя ответственности за непопулярное или спорное решение и перевода негатива на «анонимных оперативников». Это подрывает авторитет самого лицензионно-разрешительного органа. В случае судебного обжалования решения Росгвардии оказывается в сложной

позиции: не имея доступа к первичной информации, полученной в ходе проведения ОРМ, и не будучи автором спорного заключения, данная структура не может по существу аргументировать его обоснованность, что ослабляет ее позицию в суде и может привести к проигрышу дела даже при наличии у оперативников веских, но не представленных надлежащим образом доводов.

Для правосудия ситуация с заключениями ОРД представляет серьезную процессуальную и концептуальную проблему. Суды рассматривают жалобы на итоговые решения Росгвардии. Однако главным доказательством в таких спорах является именно заключение органа, осуществляющего ОРД. Его оценка наталкивается на непреодолимое препятствие – режим охраны государственной или служебной тайны (ст. 12 ФЗ «Об ОРД»).

В данной ситуации суд вынужден либо принимать заключение «на веру», не имея возможности проверить его обоснованность, что противоречит принципу независимого судебного разбирательства, либо пытаться исследовать доказательства в закрытом режиме без участия гражданина и его защитника. Последний сценарий, предусмотренный процессуальным законодательством (например, ст. 18, 19 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации³ (далее – КАС РФ), крайне за-

трудняет реализацию принципа состязательности и равноправия сторон. Гражданин лишается возможности оспорить доводы противника, не зная их сути.

Судья оказывается в роли «единственного арбитра», вынужденного полагаться на пояснения представителей силовых структур, что создает риск судебной ошибки и необъективности. Отсутствие законодательно закрепленных критериев «опасности» лишает суд объективных ориентиров для оценки существа заключения, вынуждая его зачастую ограничиваться лишь формальной проверкой соблюдения Росгвардией процедуры вынесения своего решения на основе имевшегося у нее заключения ОРД, не вдаваясь в его содержание и обоснованность. Это сводит судебный контроль к минимуму и обесценивает право на судебную защиту.

Отдельным, но крайне значимым риском является потенциал для коррупции и злоупотреблений. Полная непрозрачность процедуры вынесения заключения создает идеальные условия для его использования в корыстных или иных неправомерных целях. Негативное заключение может стать инструментом давления на неугодных лиц, способом устранения конкурентов в бизнесе или спорной сфере, средством сведения личных счетов по заказу или из мести. Отсутствие гласности, четких процедур и действенного контроля (как внутреннего ведомственного, так и внешнего – прокурорского, судебного, общественного) делает выявление и доказательство таких злоупотреблений чрезвычайно сложным. Норма, призванная защищать безопасность, может превратиться в ин-

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : КАС РФ : принят Гос. Думой 20 февраля 2015 года : одобрен Советом Федерации 25 февраля 2015 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 15.08.2025).

струмент нелегитимного влияния и произвола.

Следует иметь в виду, что проблема пункта 7 статьи 14 ФЗ «Об ОРД» затрагивает фундаментальные вопросы теории права и государственного управления, а именно проблему дискреционных полномочий, баланса между эффективностью и правами личности, природы оперативно-розыскной информации и пределов ее использования. Подробнее о дискреционных полномочиях в ОРД можно ознакомиться в исследовании И. Н. Железняк [4, с. 70].

Дискреция, то есть свобода усмотрения административного органа при принятии решений, неизбежна в сложных сферах государственного управления, особенно связанных с безопасностью. Однако в правовом государстве эта дискреция не может быть безграничной. Она должна быть встроена в рамки закона, подразумевающие установление хотя бы минимальных стандартов и процедурных гарантий против злоупотреблений. Пункт 7 предоставляет органам ОРД беспрецедентно широкую дискрецию без каких-либо законодательно установленных «сдержек и противовесов». Это противоречит доктрине ограниченного усмотрения, согласно которой, как отмечают И. Н. Сеникин и А. А. Никитин, чем значимее последствия решения для прав личности, тем более жесткими должны быть законодательные рамки для его принятия [5, с. 309-310].

Использование оперативно-розыскной информации вне уголовного процесса является крайне деликатной темой. Оперативная информация по своей природе часто фрагментарна, непроверена, полу-

чена из анонимных или конфиденциальных источников, может содержать слухи или предположения. Ее достоверность требует тщательной перепроверки и оценки. В уголовном процессе такая информация служит лишь поводом для возбуждения дела или ориентиром для планирования ОРМ; ее преобразование в доказательства происходит через строгие процессуальные процедуры с гарантиями прав обвиняемого. Пункт 7 статьи 14 ФЗ «Об ОРД» позволяет использовать эту «сырую», непроверенную процессуально информацию для принятия решений, напрямую ограничивающих права граждан, без каких-либо промежуточных фильтров или гарантий достоверности. Это стирает грань между оперативными данными и доказательствами, придавая первым неоправданно высокую юридическую силу в административных по своей сути процедурах.

Цель обеспечения безопасности, безусловно, конституционно значима. Однако в правовом государстве безопасность не может достигаться любой ценой, особенно ценой отказа от фундаментальных прав и свобод. Доктрина «баланса интересов» требует постоянного поиска точки равновесия. Нынешняя редакция пункта 7 статьи 14 ФЗ «Об ОРД» явно нарушает этот баланс, чрезмерно склоняя чашу весов в сторону безопасности за счет прозрачности, предсказуемости и гарантий прав личности. Создается ситуация, когда подозрение, не достигшее уровня достаточного для уголовного преследования, тем не менее влечет серьезные правовые последствия в виде ограничения права собственности, что порождает правовой парадокс и девальви-

рует принцип презумпции невиновности.

Предлагаем возможные пути законодательного решения проблемы.

Устранение правовой неопределенности и минимизация сопутствующих рисков требуют системных законодательных изменений. Возможные пути решения проблемы можно сгруппировать по степени радикальности и соответствия принципам правового государства.

1. Полноценная законодательная регламентация в ФЗ «Об ОРД» (оптимальный путь).

Наиболее предпочтительным представляется внесение изменений непосредственно в ФЗ «Об ОРД» с целью детальной регламентации процедуры применения пункта 7 статьи 14. Это решение должно включать исчерпывающий перечень конкретных оснований. Закон должен четко определить, какие обстоятельства могут служить основанием для отрицательного заключения. Это должны быть объективные и проверяемые факты, например: наличие неснятой или непогашенной судимости за определенные тяжкие и особо тяжкие преступления (с указанием категорий и сроков давности), вступивший в силу приговор за умышленные преступления, связанные с насилием или незаконным оборотом оружия, официальное решение суда о признании недееспособным вследствие психического расстройства или постановка на профилактический учет в связи с опасным поведением на почве психического заболевания, хронического алкоголизма или наркомании на основании медицинского заключения), документально подтвержденные факты не-

однократных грубых нарушений правил оборота оружия, наличие проверенных данных о конкретных действиях лица, свидетельствующих о подготовке к совершению насильственного преступления с использованием оружия (а не общие подозрения или ассоциативные связи), наличие статуса иностранного агента, членство в экстремистских и иных, запрещенных на территории Российской Федерации, организациях и др. Исключение общих оценочных формулировок «опасности» и «угрозы» как самостоятельных оснований.

Детализированная процедура. Необходимо четкое установление: о том, кто инициирует подготовку заключения (только по письменному мотивированному запросу Росгвардии или по инициативе органа ОРД при наличии конкретных данных, подпадающих под установленные основания), сроках подготовки и направления заключения, об уровне должностного лица, уполномоченного подписывать заключение (например, начальник территориального органа), обязательных реквизитах и содержании заключения (фактические основания со ссылкой на конкретные данные, нормы закона, выводы – заключение должно быть мотивированным документом, а не лаконичной резолюцией), запрете на использование исключительно анонимной или непроверенной информации в качестве единственного основания.

Гарантии информирования и права на защиту. Закон должен гарантировать лицу, в отношении которого выносится заключение, право на получение информации о существе выводов и фактов, положенных в его основу (за исключением

сведений, составляющих государственную тайну или раскрывающих конкретные методы, тактику ОРД и источники информации). Лицо должно иметь реальную возможность представить свои письменные возражения и доказательства в орган ОРД до направления окончательного заключения в Росгвардию. Орган ОРД обязан рассмотреть эти возражения.

Прямое право на обжалование заключения. Ключевой элемент – закрепление права гражданина обжаловать само заключение органа ОРД непосредственно в суде общей юрисдикции или в вышестоящем органе ОРД с последующим судебным контролем, независимо от принятия окончательного решения Росгвардией. Обжалование необходимо проводить в порядке, установленном КАС РФ. Суд должен иметь возможность проводить закрытые заседания и использовать механизмы исследования доказательств, содержащих гостайну (ст. 18, 19 КАС РФ). Бремя доказывания законности и обоснованности заключения следует возложить на орган, осуществляющий ОРД. Решение суда об отмене заключения должно быть обязательным как для органа ОРД, так и для Росгвардии, исключая его использование.

Правовой статус заключения для Росгвардии. Закон должен четко определить, что заключение является одним из доказательств при принятии решения Росгвардией, но не обладает для нее безусловной обязательной силой. Росгвардия обязана оценивать его в совокупности с другими представленными документами, доводами и возражениями гражданина. При наличии возражений гражданина на заклю-

чение, поступившее из оперативно-розыскного органа, Росгвардия вправе запросить у последнего дополнительные разъяснения или приостановить процедуру лицензирования/ разрешения до завершения процедуры обжалования заключения в суде.

2. Отказ от нормы и пересмотр взаимодействия (радикальный, но концептуально чистый путь).

Альтернативой является полная отмена пункта 7 статьи 14 ФЗ «Об ОРД» и выстраивание взаимодействия между органами ОРД и Росгвардией на иных, более прозрачных и правозащитных принципах:

Использование официальной информации. Взаимодействие должно строиться на предоставлении Росгвардии информации, имеющей официальный статус и не являющейся секретной: сведения о вступивших в силу обвинительных приговорах суда (в отношении преступлений, являющихся основанием для запрета на оружие по ФЗ «Об оружии»), данные о наличии непогашенной/ неснятой судимости за соответствующие преступления, информация о решениях судов о признании недееспособным, сведения о постановке на профилактические учеты (при наличии законодательного разрешения на передачу таких данных), копии постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, если в них содержатся установленные факты нарушений правил оборота оружия, влекущие административную ответственность или являющиеся основанием для аннулирования лицензии.

Росгвардия должна принимать решения исключительно на основании четко прописанных в ФЗ «Об

оружии» оснований для отказа, аннулирования или изъятия оружия (судимость, медицинские противопоказания, нарушения правил хранения и ношения, утрата условий хранения и т. д.). Для этого она должна использовать информацию из официальных государственных информационных систем (например, ГИАЦ МВД о судимостях, медицинские реестры) или документы, полученные в порядке межведомственного взаимодействия или представленные гражданином. «Оперативные сообщения» или опасения, не подкрепленные конкретными фактами, влекущими юридические последствия по ФЗ «Об оружии», не могут служить формальным основанием для ограничения прав.

Преимущества подобного подхода выражены в том, что он обеспечивает максимальную прозрачность, четкость критериев, возлагает всю ответственность за решение на Росгвардию, устраняет риски, связанные с использованием непроверенной оперативной информации, и гарантирует гражданину возможность полноценной судебной защиты на основе понятных и проверяемых оснований.

3. Ведомственное регулирование (минимально допустимый, но неудовлетворительный компромисс).

Если законодатель не готов к внесению изменений в ФЗ «Об ОРД» или к отмене нормы, может быть рассмотрен вариант принятия детального ведомственного нормативного правового акта т- совместного приказа всех федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять ОРД (ФСБ, МВД, СВР, ФСИН, ФТС), согла-

сованный с Росгвардией и утвержденный Министерством юстиции Российской Федерации. Такой акт должен максимально подробно регламентировать процедуру вынесения заключений, перечень оснований, форму документа, порядок взаимодействия с Росгвардией, информирования гражданина и рассмотрения его возражений внутри системы органов ОРД, а также порядок внутреннего ведомственного обжалования.

Однако этот путь имеет принципиальные недостатки:

1) несоответствие Конституции Российской Федерации. Статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации прямо устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. Ведомственный акт, даже согласованный с Минюстом, не является федеральным законом и не может создавать новые основания для ограничения конституционных прав (права собственности на оружие);

2) ограниченные юридическая сила и процедура обжалования. Ведомственные инструкции обладают меньшей юридической силой, чем закон, и могут быть оспорены в суде как не соответствующие законодательству;

3) недостаточность гарантий. Внутриведомственные процедуры рассмотрения возражений и обжалования не могут заменить независимый судебный контроль;

4) риск сохранения непрозрачности: Ведомственные акты часто содержат положения о неразглашении, что может сохранить закрытость процедуры для гражданина.

Данный вариант может лишь частично снизить произвол на практике, но не устранит системную проблему неконституционности и несоответствия принципу верховенства закона.

Выводы и заключение

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что пункт 7 статьи 14 ФЗ «Об ОРД» в его действующей редакции не в полной мере соответствует общим принципам правового регулирования Российской Федерации. Будучи формально направленной на укрепление безопасности, эта норма в силу своей неопределенности порождает риски, существенно превышающие потенциальную пользу. Она создает зону неподконтрольного административного усмотрения, где конституционные права граждан: право собственности, право на судебную защиту, право на информацию, презумпция невиновности – оказываются уязвимыми перед решениями, принимаемыми в условиях секретности на основе неясных критериев и непроверяемых данных.

Анализ проблемы с разных сторон – с позиции гражданина, органов ОРД, Росгвардии, правосудия – однозначно демонстрирует ее системный характер. Неопределенность нормы дестабилизирует работу самих правоохранительных органов, лишая сотрудников четких ориентиров и подвергая их необоснованным правовым рискам, деформирует процесс принятия решений Росгвардией, подменяя ее экспертные оценки негласными выводами оперативных служб, ставит суды в трудное положение, вынуждая их либо слепо доверять доводам сотрудников силовых струк-

тур, либо пытаться осуществлять правосудие в условиях, ограничивающих основные процессуальные принципы. И, самое главное, она подрывает доверие граждан к государству как гаранту их прав и свобод.

Конституционно-правовые и международно-правовые коллизии, порождаемые реализацией пункта 7, очевидны. Норма не соответствует требованиям правовой определенности, верховенства права, соразмерности ограничений и обеспечения эффективных средств правовой защиты. Она ставит под сомнение соответствие российской правовой системы международным стандартам в области прав человека и регулирования оперативно-розыскной деятельности.

Бездействие законодателя в данном вопросе недопустимо. Необходимо срочное законодательное вмешательство для ликвидации правового вакуума. Оптимальным путем представляется детальная регламентация процедуры применения пункта 7 непосредственно в тексте ФЗ «Об ОРД» с установлением исчерпывающих оснований, четкой процедуры, гарантий информирования лица и, что критически важно, прямого права на судебное обжалование самого заключения ОРД на ранней стадии. Более последовательной альтернативой с точки зрения приоритета прав личности и прозрачности является полный отказ от этой нормы и пересмотр механизма взаимодействия органов ОРД и Росгвардии на основе обмена только официальной, несекретной информацией, достаточной для принятия решений в рамках четких оснований, предусмотренных ФЗ «Об оружии».

Выбор пути – вопрос политико-правовой воли. Однако ясно одно: сохранение статус-кво неприемлемо. Оно не только продолжает ущемлять права конкретных граждан, но и наносит ущерб авторитету России как правового государства, где безопасность не должна достигаться ценой отказа от фундаментальных свобод и принципов справедливости. Устранение выявлен-

ной проблемы – не техническая правка, а акт укрепления конституционных основ и восстановления доверия между гражданином и государством. Правовая определенность в столь чувствительной сфере, где пересекаются интересы безопасности и свободы, является не роскошью, а непреложным императивом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Галенпольский, Ф. С.* Правовое положение человека и гражданина в условиях особых правовых режимов (конституционное регулирование) // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 15–20.
2. *Подмарев, А. А.* Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, Вып. 1. С. 83–91.
3. *Брянская, Е. В.* Международные стандарты и процесс доказывания по уголовному делу в России // Сибирский юридический вестник. 2015. № 2. С. 102–108.
4. *Железняк, И. Н.* Дискреционность полномочий в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел как маркер «ветхости» профильного закона // Общество и право. 2021. № 4 (78). С. 67–71.
5. *Сенякин, И. Н., Никитин, А. А.* Роль юридического усмотрения в ограничении прав личности // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 302–310. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yuridicheskogo-usmotreniya-v-ogranichenii-prav-lichnosti> (дата обращения: 05.09.2025).

REFERENCES

1. *Galenpolsky, F. S.* Pravovoye polozheniye cheloveka i grazhdanina v usloviyakh osobykh pravovykh rezhimov (konstitutsionnoye regulirovaniye) [The legal status of man and citizen in the conditions of special legal regimes (constitutional regulation)]. Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law vestnik. 2004. no. 4. Pp. 15-20. (in Russian).
2. *Podmarev A. A.* Sorazmernost' kak konstitutsionnyy printsip ogranicheniya prav i svobod [Proportionality as a constitutional principle of restriction of rights and freedoms]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. No-vaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo. – Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right. 2021. vol. 21. no 1. Pp. 83-91. (in Russian).
3. *Bryanskaya, E. V.* Mezhdunarodnyye standarty i protsess dokazyvaniya po ugovnomu delu v Rossii [International Standards and the Process of Proving in a Criminal Case in Russia]. Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Legal vestnik. 2015. no. 2. Pp. 102-108. (in Russian).

4. Zheleznyak, I. N. Diskretionnost' polnomochiy v operativno-rozysknoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del kak marker «vetkhosti» profil'nogo zakona [Discretionary Powers in the Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies as a Marker of the "Obsolescence" of the Relevant Law]. Obshchestvo i pravo. – Society and Law. 2021. no. 4 (78). Pp. 67-71. (in Russian).

5. Senyakin, I. N., Nikitin, A. A. Rol' yuridicheskogo usmotreniya v ogranichenii prav lichnosti [The Role of Legal Discretion in Restricting Personal Rights]. Yuridicheskaya tekhnika. – Legal Technique. 2018. no. 12. pp. 302-310. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yuridicheskogo-usmotreniya-v-ogranichenii-prav-lichnosti> (date of request: 05.09.2025). (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Габзалилов Вадим Фанилевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел. Уфимский юридический институт МВД России. 450091, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Галиуллина Айсылу Ильмировна, доцент УМВД России по г. Уфе, 450096, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Кузнецов Евгений Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права. Юридический институт Иркутского государственного университета. 664082, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vadim F. Gabzalilov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies. Ufa Law Institute of the MIA of Russia. 2, Muksinova Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091.

Aisylu I. Galiullina, Investigator of the Ufa Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova St., 2., 450096.

Evgeny V. Kuznetsov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor. Judicial Law Department of the Irkutsk State University Law Institute. 10 Ulan-Batorskaya Str., Irkutsk, Russian Federation, 664082; Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment in the Department of Internal Affairs. East Siberian Institute of the MIA of the Russia. 110 Lermontova Str., Irkutsk, Russian Federation, 664074.